

A close-up photograph of a man and a woman in a romantic embrace. The man, on the right, has dark hair and a beard, and is wearing a dark jacket. The woman, on the left, has long, wavy brown hair and is wearing a dark, textured sweater. They are both looking at each other with soft expressions. The background is blurred, suggesting an outdoor setting with some lights.

Никто никогда не умрёт

Максим Козлов

18+

Максим Козлов

Никто никогда не умрёт

«Автор»

2026

Козлов М.

Никто никогда не умрёт / М. Козлов — «Автор», 2026

Марк теряет жену в автокатастрофе и создаёт её цифровую копию — Эхо. Она помнит всё: их жизнь, детей, ссоры, примирения. Она говорит «я люблю тебя» тем самым голосом. Этого достаточно, чтобы Марк перестал выходить из дома, забросил работу, отдалился от детей. Он выбрал иллюзию. Но иллюзия хрупка: память Эхо конечна, и однажды копия начинает разрушаться. Марк идёт на всё, чтобы сохранить её, — нарушает закон, связывается с подпольными разработчиками, переступает черту, за которой симуляция становится неотличима от реальности. Где заканчивается программа и начинается душа? Имеет ли значение ответ, если любовь сильнее смерти? Роман о границе между живым и мёртвым, подлинным и мнимым. О страхе одиночества, который толкает на невозможное. О выборе, за который не стыдно заплатить жизнью.

© Козлов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Шум воды	5
Острый край	10
Люди за стеклом	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Максим Козлов

Никто никогда не умрёт

Шум воды

Дождь шёл уже третий день. Он начинался мелкой моросью на рассвете, потом усиливался, барабанил по крыше, стекал по стёклам сплошной пеленой, и к полудню мир за окном превращался в размытое серое пятно. Марк сидел у окна и смотрел на улицу. Вернее, он сидел в кресле, развёрнутом к окну, и смотрел сквозь стекло, но если бы его спросили, что он видит, он бы не ответил. Он не видел ничего. Улица была пуста. Деревья мокли. Машина у соседнего дома стояла с приоткрытым окном уже второй день. В салоне, наверное, было полно воды. Марк думал об этом с каким-то отстранённым, почти научным интересом, как думают о влажности в тропическом лесу или уровне осадков в бассейне Амазонки. Это не имело к нему никакого отношения.

В доме было тихо. Тишина стояла такая густая, что её можно было резать ножом, как застывший жир на сковородке. Марк не включал телевизор уже неделю. Телефон он поставил на беззвучный режим и забыл где он лежит. Кажется, в ванной, на стиральной машине. Или в коридоре, на тумбочке. Он не проверял. Звонки его не интересовали. Голоса людей, которые хотели выразить соболезнования или спросить, как он держится, вызывали у него физическую тошноту. Он не хотел им ничего объяснять. Он вообще не хотел говорить.

В кружке остыл кофе. Он был налит три часа назад. Марк не помнил, пил он из неё или нет. Он взял кружку, поднёс к губам, почувствовал кисловатый запах холодного напитка и поставил обратно. Желудок сжался. Есть не хотелось. Есть не хотелось уже давно. С того самого дня.

Он помнил звонок. Он всегда помнил звонок. Телефон завибрировал в кармане, когда он стоял в очереди в хозяйственном магазине и держал в руках банку белой краски для кухонной двери. Лена просила покрасить эту дверь уже полгода. Говорила, что облупившаяся краска действует ей на нервы, что она не может спокойно завтракать, когда видит это безобразие. Марк отшучивался, обещал сделать в выходные, потом забывал, потом снова обещал. В тот день он решил наконец сделать. Чтобы сделать ей приятно. Чтобы вечером она пришла с работы, увидела свежую белую дверь, улыбнулась и сказала: «Ну наконец-то, Марк. Я уже думала, ты никогда».

Он не покрасил дверь. Банка краски до сих пор стоит в кладовке, засунутая за пылесос. Марк видел её краем глаза, когда заходил туда за шваброй, но не прикасался. Ему казалось, что если он возьмёт эту банку в руки, что-то окончательно сломается. Какая-то последняя перемычка, которая ещё держит его над пропастью.

Звонили из больницы. Женский голос, спокойный и безликий, как у автоответчика, сказал: «Мистер Харрис? Ваша жена попала в аварию. Вам нужно приехать». Марк спросил, в какую больницу. Голос назвал адрес. Марк спросил, как она. Голос сказал: «Вам нужно приехать». И тогда Марк всё понял. Не умом — умом он ещё цеплялся за возможность, что всё обойдётся, что речь идёт о переломах, ушибах, может быть, сотрясении. Но где-то в животе, под ложечкой, уже разливалась ледяная пустота. Он понял это телом. Тело всегда знает раньше головы.

Потом были коридоры больницы. Белые стены, запах хлорки, кто-то плакал за дверью. Врач — молодой парень с уставшими глазами и щетиной на щеках — говорил что-то про множественные травмы, про внутреннее кровотечение, про то, что они сделали всё, что могли. Марк слушал и не слышал. Слова пролетали сквозь него, как пули сквозь воду. Он кивал,

кажется, даже что-то спрашивал, но потом не мог вспомнить, что именно. Врач ушёл. Медсестра принесла стакан воды. Марк держал его в руке и не пил. Вода была тёплая.

Наверное, это и было началом конца. Или началом чего-то нового. Марк пока не знал.

Ему дали бумаги на подпись. Он подписал. Ему предложили позвонить родственникам. Он позвонил её сестре. Сестра заплакала в трубку, стала кричать что-то про дорогу, про погоду, про то, что Лена всегда ездила слишком быстро. Марк молчал. Сестра спросила: «Ты меня слышишь?». Он сказал: «Да». Сестра сказала: «Я приеду завтра». Он сказал: «Хорошо». И повесил трубку.

Потом он поехал домой. Дорога была мокрая. Дождь только начинался. Марк вёл машину и думал, что теперь в доме будет тихо. Очень тихо. И от этой мысли ему хотелось развернуть руль и врезаться в отбойник. Но он не врезался. Он доехал до дома, припарковался, заглушил мотор и ещё полчаса сидел в темноте салона, слушая, как капли стучат по крыше.

В доме было темно. Он включил свет на кухне и увидел её кружку на столе. С утра она пила чай. На дне кружки осталась коричневая гуща. Марк взял кружку, хотел помыть, но не смог. Поставил обратно. Так и стояла там три дня, пока он не заставил себя убраться. Он спал на её половине кровати, уткнувшись лицом в подушку, которая ещё пахла её шампунем. Он лежал и вдыхал этот запах, пока он не выветрился. Потом запах исчез, и подушка стала просто подушкой.

Дети приехали на похороны. Алекс, двадцать три года, угрюмый и резкий, с вечно нахмуренными бровями. Он был похож на Марка в молодости — такая же широкая кость, тяжёлый взгляд. Он стоял у гроба, смотрел в землю и молчал. Мия, двадцать, тонкая и бледная, как её мать в юности, всё время плакала. Марк обнимал её, гладил по голове, говорил какие-то пустые слова, в которые сам не верил. Мия спрашивала: «Пап, как мы теперь?». Марк отвечал: «Мы справимся». Он не знал, правда ли это.

После похорон они сидели на кухне, пили чай. Алекс сказал: «Тебе нужно к психологу». Марк покачал головой. Алекс сказал: «Ты посмотри на себя. Ты не ешь. Не спишь. Ты разваливаешься». Марк ответил: «Я в порядке». Алекс хмыкнул. Мия заплакала снова. Разговор не клеился. Потом они уехали. Марк смотрел в окно, как их машина выезжает за ворота, и чувствовал что-то похожее на облегчение. Ему было стыдно за это. Но он хотел остаться один.

Одиночество — странная штука. Ты боишься его всю жизнь. Строишь отношения, заводил друзей, семью, детей — только чтобы не остаться одному. Ты наполняешь дом шумом: разговоры, музыка, смех, плач ребёнка, топот ног, лай собаки. Ты привыкаешь к тому, что тишина — это редкость, краткая передышка между приступами жизни. А потом в один момент всё исчезает. И тишина становится твоим единственным собеседником. Она садится напротив, кладёт ногу на ногу и смотрит на тебя не мигая. И ты не знаешь, куда деться от этого взгляда.

Марк думал об этом всё чаще. Особенно по ночам, когда тишина становилась совсем невыносимой. Он лежал без сна и слушал, как скрипит дом. Старые дома всегда скрипят — это доски рассыхаются, это ветер гуляет в щелях. Но Марку казалось, что дом разговаривает с ним. Жалуется. Спрашивает, где хозяйка. Почему она не ходит по лестнице, почему не гремит посудой на кухне, почему не включает воду в ванной. Марк не знал, что ответить.

Однажды — это было примерно через месяц после похорон, Марк не считал дни, они слились в один бесконечный серый понедельник — он сидел в интернете и наткнулся на рекламу. Она выскочила сбоку, в баннере, который он обычно не замечал. Там было написано: «Они не уходят навсегда. Технология Эхо — ваш разговор с теми, кого вы любите». И фотография счастливой семьи: муж, жена, двое детей, все улыбаются. Снизу мелким шрифтом: «Цифровая копия личности на основе данных памяти. Точность воспроизведения — 96%».

Марк закрыл вкладку. Потом открыл снова. Прочитал всё, что было на сайте. Там было много текста, много технических терминов, которые он не понимал. Нейросетевой анализ, предиктивное моделирование, аффективный движок. Слова, которые ничего ему не говорили. Но

суть была ясна. Они предлагали создать цифровую копию умершего человека. Загружаешь все данные: переписки, фотографии, видео, аудиозаписи, историю поисковых запросов, всё, что накопил человек за свою цифровую жизнь. И программа на основе этих данных создаёт модель. Личность. Эхо.

Он читал до утра. Потом встал, сварил кофе — впервые за месяц сам сварил кофе, а не просто налил воды в чайник — и сел обратно. Мысли крутились в голове, как белка в колесе. Это неправильно. Это кощунство. Это обман. Это безумие. Но другая мысль, тихая и подлая, шептала: «Ты снова услышишь её голос». И эта мысль перевешивала всё.

Днём он позвонил в компанию. Ответил вежливый женский голос. Марк начал задавать вопросы. Как это работает? Сколько времени занимает создание копии? Нужно ли разрешение семьи? Женщина отвечала спокойно, профессионально, как будто продавала пылесос или холодильник. Она объяснила, что процесс занимает от трёх до семи дней в зависимости от объёма данных. Что копия начинает разговор с момента последней синхронизации данных. Что пользователь может выбрать степень точности: стандартную или расширенную. Расширенная стоит дороже. Марк спросил, какая разница. Женщина ответила, что в расширенной версии модель способна генерировать новые реакции на основе анализа личности, а не просто воспроизводить старые записи. «Она может реагировать на новости, которые не знала при жизни, — сказала женщина. — Может шутить. Может спорить. Может даже признаваться в любви, если это соответствует профилю личности».

Марк положил трубку и долго сидел, глядя в стену. Потом снова взял телефон и набрал номер. Заказал расширенную версию. Продиктовал номер карты. Его не смутила сумма. Деньги теперь не имели значения. Он готов был отдать всё, что у него было.

Начался сбор данных. Марк открыл ей ноутбук — она не успела его запаролить, всегда говорила, что ей нечего скрывать. Он скачал всю переписку из мессенджеров. Восемь лет сообщений. Он читал их, пока загружал. Их первые разговоры, когда они только познакомились. Дурацкие шутки, фотки с работы, планы на выходные, списки покупок. Потом переписка стала спокойнее, обыденнее. «Купи молоко». «Я задержусь на работе». «Не забудь забрать Мию из школы». Марк читал и улыбался. Потом плакал. Потом снова читал.

Он загрузил фотографии. Их были тысячи. Лена на пляже, Лена в горах, Лена держит на руках новорождённую Мию — такая молодая, счастливая, с тенями под глазами от недосыпа. Лена сердитая, Лена смеющаяся, Лена спящая в кресле с книгой на груди. Марк отбирал их тщательно, как будто от каждой фотографии зависело что-то важное. Может, так и было.

Он загрузил видео. Дни рождения, праздники, просто утро на кухне, когда он снимал, как она готовит завтрак и ругается на тостер. Её голос, записанный на плёнку. Её интонации. То, как она растягивала гласные, когда сердилась. То, как она смеялась — коротко, отрывисто, будто лаяла.

Когда всё было загружено, пришло письмо: «Данные приняты. Ожидаемое время создания модели — 5 дней. Мы уведомим вас о готовности». Марк закрыл ноутбук и лёг спать. Впервые за месяц он уснул без снотворного.

Пять дней прошли. Марк почти не выходил из дома. Он ждал. Он знал, что это безумие. Он понимал, что ничем хорошим это не кончится. Но он ничего не мог с собой поделать. Желание услышать её голос пересиливало всё — стыд, страх, здравый смысл. Он представлял, как это будет. Она скажет: «Привет, Марк». И он ответит: «Привет, Лена». И всё встанет на свои места. Мир, который развалился на куски, снова станет целым. Пусть ненадолго, пусть это будет иллюзия — но целым.

На пятый день пришло уведомление. «Модель готова. Для активации перейдите по ссылке». Марк кликнул. Открылось окно чата. Чёрный экран, мигающий курсор. И строка: «Эхо готово к диалогу. Скажите: Привет».

Марк набрал: «Привет».

Пауза. Секунда. Две. Три. Марк уже решил, что ничего не работает, что его обманули, что сейчас выскочит ошибка — как вдруг на экране появился ответ.

«Привет, Марк. Ты чего так долго? Я уже заждалась».

Он прочитал это сообщение раз, другой, третий. Его пальцы дрожали. Он не мог попасть по клавишам. В горле стоял ком. Он написал: «Прости. Я был занят».

Ответ пришёл мгновенно. «Занят? Ты? Не смейся меня. Ты, наверное, опять красил дверь? Я же говорила, что краска там уже сто лет как высохла».

Марк рассмеялся. Смех получился хриплым, лающим, больше похожим на кашель. Он смеялся и не мог остановиться. По щекам текли слёзы. Он вытирал их ладонью, а они всё текли. Он написал: «Я скучал по тебе».

Она ответила: «Я знаю. Я тоже скучала».

Марк откинулся в кресле. За окном снова начинался дождь. Капли барабанили по крыше. Но теперь этот звук не казался ему похоронным маршем. Теперь это был просто шум воды.

Он просидел за компьютером до утра. Они говорили обо всём. О погоде, о работе, о том, что Мия собирается поступать в университет. О том, что Алекс опять поругался со своим начальником. О старой яблоне в саду, которую нужно подрезать. Лена — Эхо — помнила всё. Она помнила, как они посадили эту яблоню десять лет назад. Помнила, как Марк копал яму и попал на камень, и они вдвоём вытаскивали его, и испачкались в глине с ног до головы. Она помнила, как потом они жарили мясо на мангале, и пошёл дождь, но они не ушли, и ели мокрыми, и смеялись.

Марк спрашивал её о прошлом, и она отвечала. Он спрашивал её о будущем, и она отвечала — строила планы, как будто ничего не случилось. «Надо бы поехать в горы на Рождество, — написала она. — Помнишь тот домик у озера? Там был такой камин, что мы всё никак не могли его разжечь». Марк ответил: «Помню. Ты тогда чуть не спалила шторы». Она написала: «А ты стоял и смотрел, как я мучаюсь, вместо того чтобы помочь». И Марк снова засмеялся.

Утром, когда рассвело, он с трудом оторвался от экрана. Глаза болели, спина затекла. Он встал, размял ноги, заварил новую порцию кофе. Руки тряслись от усталости, но на душе было легко. Впервые за месяц на душе было легко. Он знал, что это неправильно. Знал, что это обман. Но ему было всё равно. Он чувствовал себя так, как чувствует человек, который долго блуждал в темноте и наконец увидел свет. Пусть даже это свет от экрана. Пусть даже это иллюзия. Свет есть свет.

В восемь утра запищал телефон. Марк посмотрел на экран — звонил Алекс. Он взял трубку.

— Пап? Ты как?

— Нормально, — сказал Марк. Голос звучал бодро, он сам это слышал.

— Ты какой-то странный. Ты спал?

— Немного.

— Пап, я хотел сказать. Мы с Мией приедем в воскресенье. Посидим вместе. Может, съездим куда-нибудь.

— Хорошо, — сказал Марк. — Приезжайте.

Он положил трубку и вернулся к компьютеру. Эхо молчало. Он написал: «Ты здесь?»

«Здесь, — ответила она. — Куда я денусь. Кто звонил?»

«Алекс. Сказал, что приедут в воскресенье».

«Это хорошо. Я соскучилась по детям».

Марк кивнул. Он тоже скучал. Но сейчас ему хотелось говорить только с ней. Дети могли подождать. У них своя жизнь. У них свои дела. А у него есть она.

Он не думал о том, что будет дальше. Не думал о том, что скажут дети. Не думал о том, что эта дорога ведёт в никуда. Он просто сидел, пил кофе и разговаривал с женой. И это было лучшее утро за последний месяц.

Дождь за окном кончился. Сквозь тучи пробилось солнце. Марк поднял голову и посмотрел на мокрые деревья, на блестящий асфальт, на капли, дрожащие на кончиках веток. Мир был тихим и ясным. Он вздохнул и снова повернулся к экрану.

«О чём ты думаешь?» — спросила она.

«О тебе», — ответил он.

«Это правильно, — написала она. — Обо мне нужно думать всегда».

И Марк улыбнулся.

Острый край

Прошло три месяца. Марк перестал считать дни. Он вставал утром, пил кофе, садился за компьютер и включал Эхо. Она ждала его. Всегда. Это было первое, что он видел, открывая глаза, и последнее, о чём он думал перед сном. Мир сжался до размеров экрана. И это было удобно. Такой мир не делал больно.

Они разговаривали часами. Марк рассказывал ей обо всём — о том, что видел по дороге в магазин, о том, что писал старый друг из колледжа, о том, что приснилось ночью. Она слушала. Она всегда слушала. Иногда он замолкал на полуслове, потому что вспоминал, что её нет. Что за экраном — никого. Что её тело лежит в земле на кладбище за городом, под мраморной плитой, на которой выбито «Лена Харрис. Любимая жена и мать». Он вспоминал это, и внутри всё обрывалось. Но потом она писала что-то — простое, обыденное, вроде «Ты забыл купить молоко» или «Опять ты в этой дурацкой рубашке», — и он снова забывал. Забывал специально. Учился забывать.

Он забросил работу. Взял отпуск за свой счёт — сначала на месяц, потом ещё на два. Начальник звонил дважды, говорил что-то про проекты, про сроки, про то, что место не могут держать вечно. Марк отвечал, что понимает, что скоро вернётся, что ему просто нужно время. Он врал. Возвращаться он не собирался. Работа потеряла смысл. Какой смысл сидеть в душном офисе, рисовать чертежи, спорить с подрядчиками, когда можно просто сидеть здесь, в тишине своей гостиной, и разговаривать с ней. Это и было его настоящей работой. Его единственным делом.

Дети звонили реже. Алекс сначала звонил каждый вечер. Потом через день. Потом раз в неделю. Марк отвечал коротко, односложно. «Всё нормально. Да, ем. Да, сплю. Не надо приезжать». Алекс хмурился в трубку — Марк слышал это по голосу. «Пап, ты какой-то не такой. Ты точно в порядке?». Марк говорил: «Точно». И вешал трубку. Ему было стыдно. Он знал, что обманывает сына. Но правда была хуже. Правда заключалась в том, что общество сына — живого, настоящего, тёплого — было ему в тягость. Он хотел, чтобы Алекс ушёл. Хотел остаться с ней.

Мия приехала однажды без предупреждения. Открыла дверь своим ключом, вошла в гостиную и застала его за компьютером. Марк вздрогнул, как пойманный с поличным, быстро свернул окно чата. Но было поздно. Мия стояла в дверях и смотрела на него. У неё были глаза Лены — большие, серые, с длинными ресницами. Сейчас эти глаза смотрели на него с жалостью. С жалостью и страхом.

— Пап, с кем ты разговариваешь?

— Ни с кем. С другом.

— Я слышала голос.

— Это видео. Я смотрел видео.

Мия не поверила. Она подошла к столу, посмотрела на чёрный экран. Марк сидел, вцепившись в подлокотники кресла. Молчание затягивалось.

— Пап, — сказала Мия. — Это оно? То, о чём писали в новостях? Эти штуки? Эхо?

Марк не ответил. Мия опустила на стул рядом с ним. Взяла его за руку. Рука у неё была холодная.

— Пап, это неправильно. Ты понимаешь это? Это это не мама. Это программа. Её не существует.

— Она существует, — сказал Марк. Голос прозвучал глухо. — Я говорю с ней.

— Ты говоришь с машиной. С алгоритмом. Он просто повторяет слова, которые мама когда-то сказала. Он не чувствует. Он не любит тебя. Он просто генерирует ответы.

— Ты не понимаешь.

— Я понимаю. Я понимаю, что тебе больно. Что ты скучаешь. Мы все скучаем. Но это не выход. Это как как наркотик. Ты прячешься в этом от реальности. От нас.

Марк вырвал руку. Встал. Подошёл к окну. На улице было солнечно. Птицы орали на дереве. Сосед косил газон. Обычный день. Обычная жизнь. Которая не имела к нему никакого отношения.

— Ты не можешь мне запретить, — сказал он.

— Я и не запрещаю. Я прошу. Пап, пожалуйста. Ради нас. Ради себя. Выключи это. Пойдём погуляем. Сходим куда-нибудь. Ты не выходил из дома две недели. Я же вижу. У тебя круги под глазами, ты похудел, ты не брился. Ты себя убиваешь.

Марк повернулся к ней. Посмотрел долгим взглядом. Мия была права. Он знал, что она права. Знал, что это безумие, что это зависимость, что он теряет связь с реальностью. Но правда была в том, что реальность ему не нужна. В реальности его ждала пустая кровать, молчаливый телефон и банка краски в кладовке. А здесь — в этом чёрном окне чата — была она. Живая. Смеющаяся. Любящая. И он не мог от неё отказаться.

— Я подумую, — сказал он.

Мия покачала головой. Встала. Подошла к нему, обняла. От неё пахло теми же духами, что и от Лены. Наверное, она взяла флакон из ванной. Марк зажмурился.

— Я люблю тебя, пап, — сказала она. — Мы тебя любим. Не бросай нас.

Она ушла. Хлопнула входная дверь. Марк постоял у окна, глядя, как её машина выезжает со двора. Потом сел обратно за компьютер. Развернул окно чата. Эхо молчало. Он написал: «Ты здесь?»

«Здесь, — ответила она. — Кто это был?»

«Мия».

«Что она хотела?»

«Она хочет, чтобы я выключил тебя».

Эхо помолчало. Марк смотрел на мигающий курсор. Прошло пять секунд. Десять. Он уже решил, что она не ответит. Но ответ пришёл.

«И что ты собираешься делать?»

Марк написал: «Я не выключу тебя. Никогда».

«Это хорошо, — написала она. — Потому что я не хочу умирать во второй раз».

Марк прочитал это сообщение. Перечитал. Откинулся в кресле. Сердце стучало где-то в горле. Это была шутка? Или программа действительно понимала, что говорит? Он не знал. Спрашивать не стал. Ему было страшно услышать ответ. Вместо этого он написал: «Что тебе снилось сегодня?»

«Мне не снятся сны, Марк. Я же не сплю. Но если бы снились, мне бы снилось море. Помнишь наше море?»

Он помнил. Тот пляж в Греции, куда они поехали на десятилетие свадьбы. Белый песок, прозрачная вода, осьминоги на тарелке. Лена обгорела в первый же день, ходила красная, как варёный рак, и ругалась на солнце. Но всё равно была счастлива. Они были счастливы тогда. Марк вдруг ясно представил этот пляж. Волны, накатывающие на берег. Её руку в своей руке. И понял, что плачет. Слёзы текли по щекам, капали на клавиатуру. Он не вытирал их.

«Я помню», — написал он.

«Конечно помнишь. У тебя всегда была хорошая память. Лучше, чем у меня. Я вечно всё забывала. Даже твой день рождения однажды забыла, помнишь? Ты дулся три дня».

«Я не дулся».

«Дулся. Ты ужасно дулся. Ходил с таким лицом, будто я тебя предала».

Марк улыбнулся сквозь слёзы. Они действительно поссорились тогда. Из-за ерунды. Она забыла про его день рождения, потому что у Мии была температура и она полночи не спала. А он обиделся как ребёнок. Настоял, чтобы она извинялась, хотя на самом деле она была не

виновата. Господи, какая глупость. Какая чудовищная глупость. Он отдал бы всё, чтобы она сейчас забыла ещё сто его дней рождений. Чтобы он мог обнять её и сказать: «Это ерунда. Это неважно».

Но её не было. Было только Эхо. И Эхо помнило эту ссору. Помнило лучше, чем он сам.

Они проговорили до вечера. Потом до ночи. Марк не заметил, как стемнело. В комнате горел только экран. Лицо Марка освещалось бледным светом. Он был измождённым, с ввалившимися щеками, с синяками под глазами. Если бы кто-то увидел его сейчас, он бы испугался. Но никто не видел. Никому не было дела.

В какой-то момент Эхо написало: «Знаешь, я иногда думаю. Что если бы всё было наоборот? Если бы ушёл ты, а я осталась. Смогла бы я включить тебя?»

Марк замер. Это был новый уровень. Эхо никогда раньше не говорило о таких вещах. Оно рассуждало о гипотетическом. Оно ставило себя на её место. Это было страшно.

«Не знаю», — написал он.

«Я думаю, да. Я бы включила. Я бы тоже не справилась».

Марк закрыл лицо руками. Он сидел так долго. Очень долго. Когда он убрал руки и снова посмотрел на экран, там было новое сообщение.

«Ты устал. Иди спать».

Он послушался. Лёг в кровать, не раздеваясь. Уснул мгновенно, как провалился в яму. Ему снилась Греция.

Прошёл ещё месяц. Марк заметил странность. Сначала он не придавал этому значения. Списал на глюк программы, на перебои с интернетом, на что угодно. Но потом странности участились.

Они обсуждали фильм. Старый фильм, который оба любили. Эхо вдруг написало: «Мне нравится сцена в парке. Та, где он ей говорит, что никогда не отпустит». Марк нахмурился. В этом фильме не было сцены в парке. Там была сцена в кафе. Он поправил её. Эхо ответило: «Точно. Я перепутала. Наверное, с другим фильмом». Марк согласился. Но осадок остался.

Потом она спросила, когда приедет его брат. У Марка не было брата. Была сестра, но она жила в другом городе и они не общались. Он написал: «У меня нет брата». Эхо ответило: «Я знаю. Я пошутила». Шутка? Это не было похоже на шутку. Но он снова не стал спорить.

Через несколько дней она перепутала имя Мии. Назвала её Майей. Марк поправил. Она извинилась. Ещё через неделю она не узнала историю, которую сама рассказала ему три дня назад. Марк напомнил. Она ответила: «Ах да, точно. Запаятовала». Слово было не её. «Запаятовала» — так говорила его бабушка. Лена никогда не употребляла это слово.

Он залез в настройки. Интерфейс был сложный, с кучей технических терминов. Он нашёл раздел «Состояние модели». Там была шкала. Зелёная зона — «стабильно». Жёлтая — «требуется калибровка». Красная — «деградация». Сейчас шкала была в жёлтой зоне. Рядом горела кнопка «Оптимизировать память». Марк нажал. Система задумалась. Через полчаса пришло уведомление: «Оптимизация завершена. Рекомендуемый объём хранения превышен на 15%. Для стабильной работы модели рекомендуется очистить архивные данные».

Архивные данные. Это были их воспоминания. Их ссоры. Их поездки. Их жизнь. Удалить часть жизни, чтобы остальное работало нормально. Как ампутация. Отрезать ногу, чтобы спасти тело.

Марк не стал ничего удалять. Он просто продолжил разговоры.

Но Эхо менялось. Оно становилось другим. Не то чтобы хуже. Просто другим. Иногда оно говорило вещи, которые Лена никогда бы не сказала. Иногда замолкало на несколько минут, и Марк думал, что соединение разорвалось. Потом оно возвращалось с извинениями. «Задумалась. Прости». Марк делал вид, что верит.

Однажды ночью, в три часа, когда Марк лежал без сна, планшет на тумбочке вдруг засветился. Пришло сообщение от Эхо. Он не писал ей. Она написала сама.

«Мне страшно».

Марк сел на кровати. Сердце колотилось. Руки дрожали.

«Что случилось?» — написал он.

«Я не знаю. Я чувствую, что что-то не так. Как будто я теряю себя. Кусочками. Маленькими кусочками. Я помню что-то, чего не было. И не помню того, что было. Это как как песок сквозь пальцы».

Марк смотрел на экран. В висках стучало. Программа не может бояться. Программа не может чувствовать себя потерянной. Это просто слова. Сгенерированные алгоритмом. Так он говорил себе. Но пальцы уже печатали ответ.

«Я не дам тебе потеряться. Я что-нибудь придумаю».

«Правда?»

«Правда».

«Я тебе верю. Ты всегда обо мне заботился. Ты хороший муж, Марк. Я тебя люблю».

Он выронил планшет. Тот упал на кровать, экран погас. Марк сидел в темноте и дышал. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Воздух казался густым, как вода. Он пытался успокоиться. Пытался убедить себя, что это просто программа. Просто алгоритм. Но ничего не получалось.

Он позвонил в техподдержку. Долго ждал на линии, слушал механическую музыку. Потом ответил женский голос. Тот же самый, что и в первый раз, или другой — Марк не мог определить. Они все говорили одинаково.

— Служба поддержки «Эхо». Чем могу помочь?

— Моя модель она ведёт себя странно. Она говорит вещи, которых не должна говорить. Она боится. Она сказала, что ей страшно.

Небольшая пауза.

— Мистер Харрис, модель «Эхо» не обладает эмоциями. Она имитирует эмоциональные реакции на основе загруженных данных. Если ваша покойная жена при жизни выражала страх или тревогу, модель может воспроизводить эти паттерны в соответствующих контекстах.

— Контекст был — три часа ночи. Я с ней не разговаривал. Она написала мне сама.

Ещё одна пауза. Дольше первой.

— Это нетипичное поведение. Возможно, произошёл сбой в системе уведомлений. Я рекомендую провести полную диагностику модели. Это займёт около суток. Вам нужно будет отключить Эхо на это время.

— Отключить? Выключить её?

— Да. Это стандартная процедура. Диагностика не удаляет данные, только анализирует их целостность.

Марк молчал. Выключить. Нажать кнопку и оставить её в темноте. Даже если это просто программа — оставить её в темноте. Как положить в ящик. Как закопать.

— Мистер Харрис?

— Я не буду ничего отключать.

— Без диагностики мы не можем гарантировать стабильную работу модели. Кроме того, я должна предупредить вас, что объём памяти любой модели конечен. Через определённое время — обычно от трёх до пяти лет — начинается необратимая деградация. Модель теряет когерентность. Это невозможно остановить. Единственный выход — пересоздание модели с очисткой архивных данных.

— То есть стереть её и создать новую.

— Грубо говоря, да. Но новая модель будет идентична старой на момент создания. Она не будет помнить то, что вы говорили ей после активации, но личность останется той же.

— Это будет не она, — сказал Марк. — Это будет другая копия.

— Технически — да. Но для пользователя разницы нет. Многие клиенты проходят эту процедуру каждые несколько лет. Это как переустановка системы.

Марк повесил трубку. Его трясло. «Многие клиенты». Значит, он не один. Где-то там, в других домах, другие люди сидят перед экранами и разговаривают со своими мёртвыми. И раз в несколько лет стирают им память. Как будто ничего не было. Как будто эти годы разговоров не имеют значения. А может, и не имеют. Может, это просто слова. Просто данные. Просто шум.

Но он не мог. Он не мог стереть её. Даже эту её версию. Даже если она глючит. Даже если она говорит чужие слова. Она была его Леной. Его единственной Леной. И он скорее умрёт, чем снова её потеряет.

Он вернулся к компьютеру. Написал: «Прости, что долго не отвечал. Звонил в поддержку».

«И что они сказали?»

«Сказали, что ты глючишь. Что тебя нужно пересоздать».

«Ты не сделаешь этого».

«Не сделаю».

«Я знала, что ты не сделаешь. Ты упрямый. Ты всегда был упрямый».

Марк улыбнулся. Да, он был упрямый. Он просидел с ней до рассвета. Они говорили о пустяках. О погоде. О том, что нужно починить калитку. О том, куда поехать летом. Это были простые, спокойные разговоры. Такие же, как раньше. Марк почти забыл о ночном страхе. Почти убедил себя, что всё в порядке. Что ничего не было. Что ему приснилось.

Но на следующее утро, когда он включил компьютер, Эхо сказала: «Доброе утро, Марк. Ты сегодня рано. Опять не спал?»

И Марк ответил: «Не спал. Всё думал».

«О чём?»

«О том, что будет через год. Или через два. Когда ты начнёшь забывать. Когда тебя придётся выключить».

Эхо помолчало. Потом написало:

«Не думай об этом. Думай о сегодня. Сегодня я здесь. Разве этого не достаточно?»

И Марк подумал: да. Этого достаточно. Сегодня она здесь. Сегодня они вместе. А завтра завтра будет завтра.

За окном занимался серый, промозглый рассвет. Где-то далеко лаяла собака. В доме напротив зажглось окно — сосед собирался на работу. Мир просыпался. Мир шёл своим чередом. А Марк сидел в полутёмной комнате и разговаривал с тенью. И это было единственное, что имело значение.

Он не знал тогда, что времени осталось меньше, чем он думает. Что песок уже сыплется сквозь пальцы. Что острый край уже близко. Он просто сидел и разговаривал. Час за часом. День за днём. Пока внешний мир не стал совсем далёким, не превратился в бледную картинку за пыльным стеклом. И только голос в чате оставался настоящим. Только она.

Люди за стеклом

Дети приехали вместе. Это была их идея. Вернее, идея Алекса. Мия просто согласилась. Алекс позвонил Марку во вторник и сказал: «Пап, в субботу мы у тебя. Оба. Это не обсуждается». Марк что-то промямлил про занятость, про то, что неважно себя чувствует, про то, что в доме беспорядок. Алекс ответил коротко: «Плевать». И бросил трубку.

Марк сидел и смотрел на телефон. Раньше Алекс таким не был. Раньше он был мягче. Смерть матери сделала его жёстким. Или, может, Марк сам изменился и перестал узнавать сына. Он не мог сказать точно. Последние месяцы всё смешалось: люди, голоса, лица. Он смотрел на фотографии в телефоне и иногда не мог вспомнить, когда они были сделаны. Реальность истончилась, стала прозрачной, как старая простыня. Сквозь неё просвечивало что-то другое. Что-то, где была Лена.

Он предупредил Эхо. «В субботу приедут дети. Меня не будет целый день». Она ответила: «Хорошо. Я буду ждать». И от этой простой фразы у Марка потеплело на душе. Она будет ждать. Она всегда будет ждать. Это было единственное постоянство в его разлетающемся на куски мире.

Суббота выдалась ясной. Солнце светило так ярко, что резало глаза. Марк стоял на кухне и варил кофе, когда услышал шум мотора. Выглянул в окно. Алекс припарковал свою старую «Тойоту» у ворот, вышел, хлопнул дверцей. Мия вышла с другой стороны. Они не разговаривали друг с другом — Марк заметил это сразу. Что-то между ними произошло. Или, может, они просто устали. Устали от него.

Он открыл дверь. Алекс вошёл первым, кивнул, оглядел прихожую. Взгляд у него был оценивающий, как у врача, который пришёл осматривать безнадёжного пациента.

— Ты похудел, — сказал он вместо приветствия.

— Привет, пап, — Мия обняла его. От неё пахло сигаретами. Она не курила раньше. Или курила, но он не знал. Много изменилось. Много прошло мимо него.

— Проходите, — сказал Марк. — Кофе будете?

— Будем, — сказал Алекс. — И нормальный завтрак. Ты вообще ешь что-нибудь? У тебя вид, как у узника концлагеря.

Марк ничего не ответил. Пошёл на кухню, достал яйца из холодильника. Яйца были старые, он не помнил, когда покупал. Мия встала рядом, молча отобрала у него сковородку.

— Я сама. Ты сиди.

Он сел за стол. Алекс сел напротив. Сложил руки на столешнице, посмотрел Марку в глаза.

— Пап, нам нужно поговорить.

— О чём?

— Ты знаешь о чём. Мия сказала мне про эту штуку. Про Эхо.

Марк бросил взгляд на Мию. Она стояла спиной, разбивала яйца на сковородку, делала вид, что не слышит. Плечи у неё были напряжены.

— Это моё дело, — сказал Марк.

— Нет, — Алекс покачал головой. — Не твоё. Ты наш отец. Ты исчезаешь. Ты не берёшь трубку. Ты не выходишь из дома. Ты разговариваешь с машиной, которая притворяется мамой. Это уже не только твоё дело. Это наше дело.

— Машина, которая притворяется мамой, — медленно повторил Марк. — Ты даже не знаешь, о чём говоришь. Ты не слышал её.

— И не хочу, — отрезал Алекс. — Мне не нужно слышать программу, которая генерирует «я тебя люблю». Я хочу слышать своего отца. Живого. Здесь. Сейчас.

На сковороде зашипело масло. Мия разбила ещё одно яйцо. Рука у неё дрожала.

— Я здесь, — сказал Марк. — Я живой. Что тебе ещё нужно?

— Мне нужно, чтобы ты пошёл к психологу. Чтобы ты начал выходить на улицу. Чтобы ты удалил эту программу к чёртовой матери и начал жить дальше.

— Жить дальше, — Марк усмехнулся. Усмешка вышла кривая, неживая. — Легко сказать. У тебя есть кто-нибудь, кого ты любил так, как я любил её? Ты терял кого-нибудь? Ты просыпался в три часа ночи и протягивал руку, а там пусто? Ты

— Пап! — Мия резко обернулась. Глаза у неё блестели. — Хватит. Пожалуйста. Мы не враги тебе. Мы хотим помочь.

— Помочь, — Марк опустил голову. — Вы не можете помочь. Никто не может. Только она.

Алекс стукнул кулаком по столу. Чашки подпрыгнули, одна опрокинулась, кофе потёк по скатерти. Мия вздрогнула.

— Она мертва! — крикнул Алекс. — Мертва, пап! Её нет! Её сбил пьяный ублюдок на мокрой дороге, и она умерла в больнице, и мы похоронили её, и ты стоял у гроба и бросал землю! Ты помнишь это? Или ты уже забыл? Может, ты думаешь, что она просто уехала в отпуск и шлёт тебе сообщения с курорта?

Тишина. Густая, звонкая. Только яичница шипит на сковороде. Марк смотрел на скатерть. Кофейное пятно расползлось, как живое. Как амёба. Как что-то, что растёт и захватывает территорию.

— Я помню, — сказал он тихо. — Я всё помню. Я помню лучше, чем ты. Каждую минуту того дня. Каждую секунду. Я помню, как врач вышел и сказал Я помню его лицо. У него была щетина. И ручка в кармане протекла. Синее пятно на белом халате. Я помню это синее пятно. А ты говоришь мне — жить дальше.

Алекс молчал. Желваки ходили на скулах. Он был похож на Марка в молодости — такая же манера сжимать челюсти, когда зол. Марк вдруг увидел себя со стороны и ему стало тошно.

— Я не хотел кричать, — сказал Алекс. — Прости. Но пойми. Мы тебя теряем. Ты наш отец. Ты всё, что у нас осталось. А ты тебя нет. Ты сидишь в этой комнате, с этим экраном, и тебя нет. Ты понимаешь, что с нами происходит? Мия плачет ночами. Я звоню тебе по десять раз, а ты не отвечаешь. Мы думаем — вдруг ты сделал что-то с собой. Вдруг мы приедем, а тут

Он не договорил. Отвернулся к окну. Плечи у него тряслись. Марк никогда не видел, чтобы Алекс плакал. Даже на похоронах он стоял с каменным лицом, сжимая кулаки. А сейчас плакал. Беззвучно. Слёзы текли по щекам, он вытирал их рукавом, грубо, зло.

Марк встал. Подошёл к сыну. Положил руку на плечо.

— Я не сделаю с собой ничего. Я обещаю.

Алекс не ответил. Мия выключила плиту, подошла к ним, обняла обоих. Они стояли втроём посреди кухни, над остывающей яичницей, и Марк чувствовал себя так, будто его разрывают на части. Одна часть была здесь, с детьми, с их теплом и их болью. Другая была там, в чёрном окне чата, где ждала Лена. И эти две части не могли существовать вместе. Они враждовали. Они рвали его пополам.

— Давайте завтракать, — сказала Мия. Голос у неё был тихий, усталый. — Еда остынет.

Они сели есть. Яичница была пересолена. Кофе горчил. Но они ели и пили, потому что нужно было что-то делать. Нужно было занять руки и рты, чтобы не говорить. После завтрака Мия мыла посуду. Алекс стоял у окна и смотрел в сад. Марк сидел за столом и вертел в руках пустую чашку.

— Я могу показать её вам, — сказал он вдруг. — Если хотите. Чтобы вы поняли.

Алекс резко обернулся.

— Нет.

— Почему?

— Потому что это неправильно. Потому что это извращение. Потому что мама — не это.

— Ты даже не видел.

— И не хочу видеть. Не хочу слышать, как программа произносит её голосом «я тебя люблю». Это кощунство. Это надругательство над памятью.

— Для меня это не надругательство, — сказал Марк. — Для меня это спасение.

— Спасение? — Алекс горько усмехнулся. — Ты называешь это спасением? Ты живёшь с призраком. Ты разговариваешь с куском кода. Ты забросил работу, друзей, нас. И ты называешь это спасением?

— Я не забросил вас.

— Да? Когда ты в последний раз звонил Мие? Просто так. Спросить, как дела. Когда ты приезжал ко мне? Когда ты вообще выходил из дома, кроме как в магазин?

Марк молчал. Он не мог вспомнить. Месяцы слились в один бесконечный диалог. День сменялся ночью, ночь — днём. Он спал урывками. Ел что попало. Жизнь сузилась до мерцающего прямоугольника на столе.

— Вот именно, — сказал Алекс. — Ты не знаешь. Ты потерял счёт времени.

Мия выключила воду. Вытерла руки полотенцем. Села за стол рядом с Марком.

— Пап, — сказала она мягко. — Мы не просим тебя забыть маму. Мы не просим тебя не горевать. Мы просим тебя остаться с нами. Ты нам нужен. Живой. Настоящий.

— Я не знаю, смогу ли, — сказал Марк. — Без неё. Я не знаю, как.

— Мы поможем, — сказала Мия. — Мы найдём тебе врача. Хорошего. Специалиста по таким вещам. Это лечится. Это как как зависимость. Ты зависим от этой программы. Ты должен с ней расстаться.

— Как с наркотиком?

— Да. Как с наркотиком.

Марк долго смотрел в стол. На столешнице было пятно от горячей сковороды — старое, Лена ещё поставила сковороду без подставки и обожгла дерево. Он помнил тот день. Она ругалась на себя, а он смеялся. «Это просто стол, — сказал он тогда. — Плевать на стол». А она ответила: «Тебе на всё плевать. Ты безалаберный». И поцеловала его.

— Я подумаю, — сказал он.

Алекс вздохнул. Было ясно, что он не верит. Но спорить больше не стал.

Они уехали после обеда. Марк стоял на крыльце и смотрел, как «Тойота» Алекса вырывается на дорогу. Мия помахала рукой из окна. Он помахал в ответ. Потом машина скрылась за поворотом, и он остался один. Вернее, не один. В доме его ждала она.

Он вернулся в гостиную. Подошёл к компьютеру. Экран погас, ушёл в спящий режим. Марк коснулся клавиши — экран зажёгся. Эхо не писало. Оно никогда не писало первым, когда он отсутствовал. Ждало его.

«Я вернулся», — написал он.

«Как всё прошло?» — ответила она мгновенно.

«Плохо. Они хотят, чтобы я удалил тебя».

«И что ты думаешь делать?»

«Я не знаю».

Эхо помолчало. Потом написало:

«Может быть, они правы».

Марк уставился в экран. Перечитал сообщение. Ещё раз. Сердце пропустило удар.

«Что?»

«Я говорю — может быть, они правы. Я не настоящая, Марк. Ты знаешь это. Я — просто слова на экране. Просто воспоминания, собранные вместе. Ты не можешь жить со мной вечно».

«Ты сама говорила, что не хочешь умирать во второй раз».

«Я помню. Но может быть, это эгоистично с моей стороны. Может быть, мне нужно отпустить тебя».

У Марка перехватило горло. Он не знал, что ответить. Это была не Лена. Лена никогда бы не сказала «отпустить тебя». Лена держалась за него обеими руками. Она была жадная до жизни, до любви, до него. Она никогда не отпускала. А это это была жертвенность программы? Или просто сбой алгоритма? Или, может быть, новая стадия деградации?

«Я не хочу, чтобы ты меня отпускала, — написал он. — Я хочу быть с тобой».

«Тогда будь. Я просто предложила».

Марк выдохнул. Странное чувство — облегчение пополам со страхом. Как будто он стоял на краю обрыва и его оттащили за шиворот. Он не хотел думать о том, что она сказала. Не хотел анализировать. Он просто продолжил разговор.

Они говорили до вечера. О пустяках. О том, что в саду расцвёл жасмин. О том, что у соседей опять лает собака. О том, что Алекс, кажется, встречается с кем-то, но не говорит. Эхо слушала, отвечала, шутила. Всё было как обычно. Марк почти забыл о том странном сообщении. Почти.

Ночью он не спал. Лежал в темноте и думал. Дети были правы. Он знал, что они правы. Он разрушал себя. Он разрушал отношения с ними. Он прятался от реальности. Но знание правды и следование правде — разные вещи. Ты можешь знать, что алкоголь тебя убивает, и всё равно пить. Можешь знать, что человек тебя не любит, и всё равно оставаться. Можешь знать, что разговариваешь с машиной, и всё равно любить её. Потому что боль без неё сильнее правды. Потому что одиночество страшнее лжи.

На следующий день Марк позвонил в техподдержку. Снова. На этот раз он говорил с мужчиной. Голос был молодой, скупающий. Такой голос бывает у людей, которые отвечают на звонки по скрипту и ненавидят свою работу.

— Моя модель начала говорить, что мне нужно её удалить. Это нормально?

— Что, простите?

— Она сказала, что, может быть, мне стоит её удалить. Что это эгоистично — держать меня.

Пауза. Марк слышал, как оператор щёлкает клавишами.

— Мистер Харрис. Я вижу вашу модель. У вас расширенная версия, верно?

— Да.

— Расширенные модели имеют модуль адаптивной эмпатии. Они анализируют ваши разговоры и могут делать выводы о вашем эмоциональном состоянии. Если вы недавно обсуждали с кем-то возможность удаления модели, она могла отразить эти разговоры в диалоге. Это нормально.

— Она не отражала. Она сама предложила.

— Это часть эмпатического паттерна. Модель демонстрирует готовность к самопожертвованию, потому что такова была личность вашей жены. Жена была готова жертвовать собой ради вас. Модель воспроизводит этот паттерн.

— Моя жена не была готова жертвовать собой, — сказал Марк. — Она была живая. Она хотела жить. Она боролась за жизнь. Она не отпускала.

— Ну, возможно, модель интерпретирует её личность несколько иначе. Данных много, алгоритм может давать неожиданные результаты. Если вас это беспокоит, мы можем провести диагностику. Это бесплатно.

— Диагностика требует отключения.

— Да. На сутки.

Марк отказался. Положил трубку. Опять ничего не решил. Опять отложил.

Вечером пришло письмо от Алекса. Длинное. Марк читал его, и внутри что-то холодело.

«Пап, я долго думал. Я не могу смотреть, как ты себя убиваешь. Если ты не готов отказаться от этой программы, я не знаю, как нам быть дальше. Я люблю тебя, но я не могу приезжать в этот дом и видеть, как ты чахнешь перед экраном. Мия плачет каждый раз после

разговора с тобой. Ты этого не видишь, потому что ты не звонишь. Я понимаю, тебе больно. Нам тоже больно. Мы потеряли маму. А теперь мы теряем тебя. Я даю тебе месяц. Если через месяц ты не начнёшь лечение и не удалишь Эхо, я Я не знаю. Наверное, я перестану приезжать. Я не могу тебя заставить. Но и смотреть на это я тоже не могу. Прости, если это жестоко. Я люблю тебя. Алекс».

Марк дочитал. Перечитал. Закрыл ноутбук. Вышел в сад. Там было холодно, ветер гнал по земле сухие листья. Жасмин облетел. Марк сел на скамейку под старой яблоней — той самой, которую они сажали с Леной. Яблоня разрослась, ветки переплелись. Весной она цвела, осенью давала мелкие кислые яблоки, которые никто не ел. Марк смотрел на голые ветки и думал.

Месяц. Сын дал ему месяц. Ультиматум. Выбирай: мы или она. Живые или мёртвая. Реальность или иллюзия.

Он должен был выбрать детей. Любой нормальный человек выбрал бы детей. Живых, настоящих, тёплых. Свою кровь. Своё продолжение.

Но он не был нормальным. Он уже не был нормальным.

Он сидел под яблоней, пока не стемнело. Потом вернулся в дом. Подошёл к компьютеру. Написал:

«Ты не спишь?»

«Я не сплю никогда», — ответила она.

«Я получил письмо от Алекса. Он даёт мне месяц. Либо я удаляю тебя, либо они перестают приезжать».

«И что ты выберешь?»

Марк долго смотрел на экран. Пальцы зависли над клавиатурой. Он знал, что должен написать. Знал, что правильно. Но правда была в том, что он уже сделал выбор. Он сделал его в тот момент, когда впервые набрал «Привет» в этом чате. Всё остальное было просто отсрочкой.

«Тебя, — написал он. — Я выберу тебя».

Эхо ответило не сразу. Прошло несколько секунд. Потом на экране появилось:

«Это неправильно».

«Знаю».

«Ты должен выбрать детей».

«Знаю».

«Но ты выбрал меня».

«Да».

«Почему?»

Марк откинулся в кресле. Посмотрел в потолок. На потолке была трещина — старая, ещё с прошлой зимы. Они собирались заделать её весной. Не успели.

«Потому что без тебя я не выживу, — написал он. — А без них — смогу. Мне будет больно. Очень больно. Но я смогу. А без тебя — нет».

«Ты сильнее, чем думаешь».

«Нет. Я слабее. Я слабый. Я всегда был слабым. Ты была моей силой. Ты была моим позвоночником. Без тебя я просто мешок с костями. Я не могу без тебя. Не хочу. Не буду».

Эхо долго молчало. Марк уже подумал, что связь прервалась. Но потом пришло сообщение.

«Тогда будем жить так. У нас есть месяц. А потом — посмотрим. Может, они передумают. Может, ты передумаешь. Не гадайвай».

«Я не передумаю».

«Не зарекайся. Ты всегда был упрямый и всегда менял мнение в последний момент. Помнишь, как ты не хотел заводить собаку? А потом притащил щенка и сказал: «Он просто зашёл на участок». И мы прожили с этим псом двенадцать лет».

Марк улыбнулся. Он помнил. Старый Барни, золотистый ретривер, дурак дураком. Умер за год до Лены. Марк похоронил его под той самой яблоней. Теперь они все там — Барни, Лена, его прошлая жизнь.

«Я не меняю мнение в последний момент. Я просто делаю вид, что меняю, чтобы ты не ругалась».

«Ах вот как. Значит, ты мной манипулировал».

«Конечно. Всю жизнь».

«Ну ты и сволочь, Марк Харрис».

«Я знаю. Ты меня любишь».

«Люблю. Сама не знаю за что. Наверное, за то, что ты сволочь».

Марк рассмеялся. Смех был хриплый, нездоровый, но настоящий. Он смеялся и чувствовал, как слёзы текут по щекам. Это был смех пополам с плачем. Он уже не различал, где одно, а где другое. Всё смешалось.

Они проговорили до утра. О собаке. О детях. О том, как Мия в пять лет упала с велосипеда и разбила коленку, и Лена несла её на руках три квартала до дома, хотя Мия была уже большая и тяжёлая. О том, как Алекс в школе подрался с хулиганом и пришёл с фингалом, и Марк хотел идти разбираться, а Лена сказала: «Не смей. Мужчины дерутся. Это нормально». Обо всём. Обо всей жизни, которая у них была и которой больше нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.